

форма философии и науки, задуманная Кантом, продолжается и сегодня, а это значит, что система чисто теоретического, умозрительного знания должна в итоге стать практической философией и принести обществу действительную пользу.

А. И. Тетюев

**Конеv В. А. Критика опыта сознания: Самарские семинары
по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского
«Символ и сознание»: монография.
Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008**

Книга Владимира Александровича Конева «Критика опыта сознания» освещает работу самарского семинара по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание». Книга впечатляет не только в силу плотной содержательности текста и сложности проблемы, но также интригует специфичностью формы. Автор книги В. А. Конев в наш век стремительных скоростей, в том числе и в плане мелькающей информации, берется за кропотливый и медленный труд — обсуждение сложнейшего философского текста в жанре семинара, что само по себе создает ситуацию уникальную для существования человека в поле интеллектуальной культуры современности. Руководитель семинара В. А. Конев выстраивает некоторую интеллектуальную «партию», которая разворачивается в алгоритме чтение-интерпретация-обсуждение от рафинированной сложности мыслительных конструкций М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского к диалогу участников семинара как возвращению к истоку нашей собственной мысли о сознании, бытии, правде нашего положения дел. В. А. Конев, разбирая сложные перипетии мысли «Символа и сознания», полагает, что в центре внимания авторов этого трактата стоит проблема понимания, или в понятиях М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «работа с сознанием». Они формулируют перед собой сложную задачу: разработать такую систему философских категорий («метатеорию» в языке авторов), которая позволила бы преодолеть субъект-объектную модель в рассмотрении сознания, и ответить на вопрос: как вообще мы можем говорить о сознании? Думаю, что подобная постановка проблемы сознания и привлекла внимание В. А. Конева, ратующего за разработку новой философской рациональности а ресепіогі (на свеже, из настоящего, из данного момента), отличающейся от рациональной логики а ріогі чистого разума (см. с. 146). Вот в этом общем проблемном поле и рождается точка совпадения М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского и участников семинара, интерпретирующих «темный» текст «Символа и сознания».

А теперь о том, как и насколько удалось исследователям выйти из этой проблемной ситуации и с каким «прибытком» мысли остаться? Первое, на что натываются все читатели «Символа и сознания», как отмечает один из участников семинара Ю. А. Разинов, на уникальность авторского альянса М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского (один «специалист по континентальной философии», другой — «знаток буддизма»), на темность и непрозрачность «гераклитовского языка» книги, на «минимализм и даже аскетизм выразительных средств», что превращает работу с текстом книги в прохождение лабиринта, из которого нужно не только правильно выйти, но и правильно войти (см. с. 9—10). Вход в текст обеспечивается на пути адекватного толкования основных понятий и проникновения в их философский метод.

Цель М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского — создание метатеории сознания. Всем известен тезис Мамардашвили о невозможности конструирования теории сознания в границах философии (сознание тогда неизбежно превращается в объект), следовательно, не теория сознания, но метатеория, которая не описывает объекты, но создает сам язык описания объектов. В. А. Конев, интерпретируя текст первой и второй главы «Символа и сознания», полагает, что метатеоретическая установка М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского есть не что иное, как продолжение традиции критической философии со всеми ее фундаментальными установками в «работе с сознанием». «Я бы сказал, — пишет В. А. Конев, — что метатеория сознания — это критика работы с сознанием, критика опыта сознания, опыта определения человеком (конкретным человеком!) своего сознания. Как сознание дается человеку?» (с. 59—60). Но критика М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского принципиально отличается от критики Канта, ориентированной на трансцендентальные основания сознания, на сознание, мыслящее всеобще и универсально. Метатеория сознания (растолкованная как критика), напротив, ориентирована на нужды конкретного человека, а значит, имеет не спекулятивный, а прагматический характер, В. А. Конев присоединяется к подобной перспективе описания сознания и делает акцент на методологическом значении подобной установки. Для понимания «характера теоретического мышления, направленного на постижение (познание) значимого бытия, т. е. бытия открытого человеку», необходимо рассматривать бытие как социальное, культурное или бытие самого человека как индивидуальности. Для расшифровки смысла прагматической установки метатеории сознания В. А. Конев указывает на ее сходство с «критикой свершающегося опыта» Ж. Делеза (с. 65). Прагматическая установка на понимание сознания связана с пониманием «сознания как некоторого образования, которым нужно управлять или с которым нужно работать», «и с точки зрения конструктивистской природы сознания индивида, и с точки зрения конструктивистской природы индивидуальности, и с точки зрения дидактики» (с. 71).

Одной из существенных особенностей интерпретации В. А. Коневым идей «Символа и сознания» является активное использование аналогии между идеями отечественных мыслителей и ключевыми представлениями самых известных европейских философов Нового и Новейшего времени. На многих страницах книги мы можем познакомиться с некоторым «переводом» мысли М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского на язык трансцендентализма или экзистенциальной аналитики Хайдеггера/Сартра. Этот прием вносит оригинальное своеобразие и в авторское видение проблемы сознания, и в растолкование/расшифровку текста «Символа и сознания».

Символология М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского строится на различии знака и символа: если знак обозначает нечто, то символ — ничто. Сознание — это ничто, т. е. это не какое-то содержание, но то, что не может быть обозначено, но только символизировано. Символы, в расшифровке В. А. Конева, мыслятся «как репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок и результатов сознания» (с. 77). Фиксируя различие знака и символа, автор книги определяет сознание как понимание. Рассмотрение сознания как события понимания приводит к выделению ряда его особенностей. К ним относятся: дискретность понимания (его «вдруг»), радикальное различие понимания и рефлексии, и понимание сознательного опыта как работы с сознанием (сознание — это то, что требует личных усилий для рождения понимания). Данная установка в рассмотрении сознания является чрезвычайно продуктивной, так как представляет сознание не как постоянно действующий органон или механизм по производству содержания, а как событие понима-

ния, что кажется мне не только оригинальным, но также убедительным и экзистенциально очевидным.

Сознание нерелятивно и непредсказуемо (нам никогда неизвестно, случится ли мысль или нет), поэтому «сознательный опыт», о котором пишут М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, толкуется В. А. Коневым как понимание. Не структура Я порождает некое содержание, но я попадаю в сознание, я попадаю в такую ситуацию, где рождается мысль. Понимание обеспечивается, как полагает философ, рекурренцией (возвращением в событие понимания, в это «вдрут»). Это возвращение имеет логику и принципиально для «организации работы с сознанием», на что направлены внимание и интерес авторов метатеории сознания (см. с. 80—81). Отказ от субъект-объектной модели сознания и классической структуры Я обращают философов не просто к поиску условий познания и знания (проект Канта), но к поиску иных условий «сознательного опыта». Здесь нащупывается ответ на главный вопрос книги: как индивидуальная психика человека входит в состояние сознание (или в состояние «понимания», в редакции В. А. Конева)? Как обретается опыт сознания или сознательной жизни человека? Орудием работы с сознанием выступает символ. Символ — «это “машинка” сознания, форма (способ) его существования» (с. 104), «это орудие сознания, позволяющее индивидуальной психике войти в сознание, встать перед его содержанием» (с. 106). Символ, как пишут М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, одним концом погружен в определенное содержание сознания, а другим — в психическую экзистенцию, где это содержание прорабатывается. Символ — это процесс и сила, соединяющий в себе материю и интеллигибельное, духовное. Интерпретируя понятия символа, В. А. Конев иллюстрирует его смысл на примере известной фразы академика А. В. Щербы «Глокая куздра преко бодалнула бокра».

В симвонологии М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского проводится разделение на первичные (подлинные) символы и вторичные (псевдосимволы). Первичные символы спонтанно организуют жизнь сознания (философы относят сюда миф), вторичные располагаются на уровне любой системы, которая является результатом идеологической (научной, культурной и пр.) проработки, интерпретации. Анализ постулатов симвонологии приводит В. А. Коневу к широкому заключению: символ — это особая вещь, которая обладает и собственным смыслом, и одновременно смыслом в отношении сознания; символ — это особое значимое бытие, т. е. «такое бытие, которое с необходимостью вводит индивидуальную психику в состояние сознания» (с. 113). Важно отметить любопытную особенность «работы с сознанием» автора «Критики опыта сознания». Когда он рассуждает о жизни сознания и опыте сознательной жизни, то он всегда обращен к нашей собственной практике, а на некоторых страницах можно встретить примеры, продуктивные для преподавания университетской философии.

Наконец, заключительная часть — шестой и седьмой семинары (последний совпал с юбилейным двухсотым заседанием научного семинара) — наиболее любопытны для читателя. Эта часть книги наиболее плотная по интенсивности мысли и ясной определенности итога семинарского работы над текстом трактата, растянувшейся на полгода. Два доклада В. А. Конева называются «Символ и культура» и «Principia conscientiae, или основания сознательного опыта». На этих страницах исследователь не столько интерпретирует текст «Символа и сознания», сколько вступает в диалог с авторами, полемизируя с их пониманием культуры и символической жизни сознания. Он соглашается с концептом культуры как способа хранения опыта деятельности человека, как «машин» воспроизводства достигнутого, но вместе с тем предлагает существ-

венно расширить понятие культуры, включив в него «опыт самой жизни человека, его способность быть». И тогда культура перестает быть просто механизмом, определенной технологией, но предстает как *«само бытие в его действительности»* (с. 124). Только в границах так понимаемой культуры можно, как полагает современный философ, дать ответ на вопрос: как возможен человеческий мир в любых его проявлениях? То, что М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский называют антикультурой (творческий источник культуры), В.А. Конев включает в понятие культуры и называет «способностью быть». «Способность быть» рождает культуру как форму про(объ)явления значимого бытия. Именно благодаря этой способности культура может развиваться, в ней происходят взрывы и смены формализаций, истоком которых выступает сила и энергия действия человека, *«causa efficiens, способность определять и действовать»* (с. 127).

Итак, по версии М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, человек входит в состояние сознания, когда встречается с символами или особыми вещами, порождающими состояние понимания. Выделяя этот ответ на поставленный в начале «Символа и сознания» вопрос, В.А. Конев формулирует оригинальные (естественно, в некотором со-авторстве, со-работе, диалоге с мыслью М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского) основоположения, направляющие работу с сознанием для всех тех, кто уже заинтересовался жизнью в состоянии сознания. Первое основоположение гласит: «сознание как человеческое достоинство есть прежде всего сознательный опыт», «сознательный опыт вводит человека в ситуацию бытия в сознании, понимании, понимательности как таковой» (с. 142). Поэтому сознательный опыт — ключевое понятие и идея книги — определяется как способность понимания, когда бытие и сознание совпадают, быть-в-сознании = сознанию. Имплицитно в этом тезисе содержится ключевой философский тезис о тождестве бытия и сознания. Второе основоположение сознательного опыта сформулировано так: «сознание (сознательный опыт) — это опыт ясного, отчетливого, несомненного бытия», это то, что называется свет и открытость истины. Но в ясности существует парадокс и тайна. С одной стороны, ясность — это условие получения сознательного опыта, но с другой стороны, это результат опыта (он тогда свершился, когда появилась ясность). Этот герменевтический круг говорит о специфике события понимания: во-первых, как замечает А.В. Конев, оно дискретно, а во-вторых, оно происходит «вдруг», но его всегда нужно искать в себе и совершать некие усилия (с. 143—144). Наконец, третье основоположение сознательной жизни человека: «это всегда есть жизнь конкретного человека», «проблема оснований сознания — это проблема принципов (оснований) жизни индивидуального сознания, проблема — как человек строит свою сознательную жизнь» (с. 144—145). Наиболее адекватным методом получения сознательного опыта является сама судьба человека, свершение им событий своей жизни. Фактически автор создает некоторый набросок, описывая не *возможный, но свершающийся* опыт. Здесь символы становятся пропускным пунктом сознания в мир. В заключение книги автор выделяет три рода символов (индивидуальные/разовые, символы культуры и «категориальные» символы) и ряд парадоксов сознания.

Думаю, что значимость книги В.А. Конева «Критика опыта сознания» выходит за границы теоретического исследования сознательной жизни человека. Чтение этого текста пробуждает нашу собственную мысль, интенсифицируя наш интерес к жизни сознания, раскрывает возможности, которые позволяют нашему сознанию попасть в топоры свершения и понимания.

С. В. Соловьева